

ПОЭЗИЯ

АНДРЕЙ ЭЙСМОНТ

Родился в г. Омске в 1954 году. После окончания Омского танкового командного училища служил в различных районах нашей страны. Службу закончил в звании подполковника в г. Бийске Алтайского края. По окончании службы в армии в течение 16 лет проработал в Бийской кадетской школе в должности воспитателя в кадетских классах. За службу в армии награждён орденом «За военные заслуги и многими медалями, за время работы в школе – медалями «За возрождение кадетского движения» «За заслуги в патриотическом воспитании молодёжи» Стихи начал писать в детском возрасте. Огромное влияние на его творчество оказал детский поэт Белозёров Тимофей Максимович, в конце шестидесятых годов возглавлявший литературный кружок в г. Омске. В те годы печатался в местных газетах «Омская правда» и «Молодой Сибиряк», в журнале «Сибирские Огни». В настоящее время издано пять поэтических книг, из них три со стихами для детей: «О чём плакали звёзды» 2012 г., «Охота на помойного кота» 2014 г., для детей – «Рыжее солнце дети рисуют» 2013 г., «Возвращение сметаны» 2015 г., «О чем натрещала сорока» 2015 г.

ПЫЛИНКИ ДАЛЁКИХ...

Пылинки далёких загадочных звёзд
на небе усталом таинственно тают.
И глядя на них, понимаю всерьёз,
мне просто тебя, так тебя не хватает!

Венчались в ночи ключевой водой
и грелись дыханьем Сибирского лета.
Ах, как захотелось быть рядом с тобой!
Пусть звёзды подскажут, подскажут мне, где ты.

Пылинки далёких загадочных звёзд
на небе усталом таинственно тают.
И глядя на них, понимаю всерьёз,
Ах, как мне тебя, как тебя не хватает...

ПОЧЕМУ БЕРЁЗЫ ПЛАЧУТ

Ах, как плакали берёзы на погосте утром ранним.
Вниз, к земле, стекали слёзы. А на сердце ныли раны
от ушедших, и забытых, милых сердцу, и не милых,
битых жизнью, и не битых, в затерявшихся могилах.
Заросли полынь – травую все тропинки, все дороги.
По ночам лишь ветер воет песню грусти и тревоги.
И теперь на Радуницу будут ждать, как раньше ждали.
Только в пояс поклониться, вряд ли, кто придёт, едва ли.
Нет на картах, нет на планах: ни деревни, ни погоста.
Нет и тех, кто мог бы плакать – всё так просто и непросто.
И за них теперь берёзы плачут утром светлым, ранним.
Вниз к земле стекают слёзы и болят на сердце раны...

В ДАЛЬ ДАЛЁКУЮ

Ах, как хочется в даль далёкую,
столь далёкую, столь туманную.
Где березонька одинокая,
Над могилкой склонилась маминой.

Где рукой лишь ветвей дотронешься,
с листьев слёзы на землю падают.
Отголоски далёкой звонницы
сердце песней своею радуют.

Там где небо для всех распахнуто
глубиной, синевой пронзительной.
Где дыханье земли от пахоты,
к солнцу тянется, упоительно.

Ты прости меня мама милая,
непутёвого сына блудного.
Может редко, стою над могилою,
но тепло твоих рук не забуду я.

Вот и снится мне даль далёкая,
даль далёкая, даль туманная,
где березонька одинокая,
над могилкой склонилась маминой.

НОСТАЛЬГИЯ

Детство. Утро. Трава. Ноги босы.
Тишина. Что-то шепчет ручей.
Обжигаясь холодными росами
под пронзительный крик журавлей.

Затуманило. Кружево белое
принакрыло вдоль речки кусты.
Чуть затеплилась зорька несмелая,
улыбнулись на храмах кресты.

А в душе восхищенно – взволнованной
растекалось хмельное тепло.
Что-то чистое, светлое, новое
мне в раскрытое сердце легло...

Снится: Детство. Трава. Ноги босы.
Тишина. Что-то шепчет ручей.
и смеются жемчужные росы
под пронзительный крик журавлей...

УКРАДЕННЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Вы прижимались нежными губами
К холодному и звонкому ручью.
И он, бродяга восхищенный Вами,
ещё сильнее песнь запел свою.

Я в полушаге, ниже по теченью,
не выдержал и сам к ручью припал.
Обнял в воде немое отраженье,
и поцелуй один у Вас украл.

А Вы пропажи, так и не заметив,
Серебряным и нежным голоском
Твердили мне о чудном жарком лете
и вдоль ручья шагали босиком.

Давно уже уплыли поцелуи...
В себе унёс их сказочный ручей...

Бывает, вспомню... (Нет, не затоскую)
На сердце станет, просто потеплей.

ЗАКАТ

Смеялся ласковый закат
макушки обнимая сосен.
(как много лет тому назад.)
Уже не лето, но не осень

И вновь желанье жить и жить,
и вновь душа теплом согрета.
Ах, эта тоненькая нить –
граница осени и лета.

А небо выгнуло дугой.
Запахло яблоками, мятой.
(мир тот же, но слегка другой –
до боли милый и понятный)

Уйду. Останется закат.
Кивать макушки будут сосен.
(и повернуть нельзя назад)
Уже не лето, и не осень...

ПОДРАНОК

Чёрный выстрел «охнул» спозаранку.
подломилось белое крыло.
Сердце трепыхнулось у подранка,
И к земле коряво понесло.

Глубину распахнутого неба
разорвал щемящий душу крик
и затих среди колосьев хлеба,
где поёт живительный родник.

Грациозно стая улетала.
Горделив и строен был полёт.
(но одна из белых птиц отстала –
приземлилась, где родник течёт)

Долго-долго раздавались крики,
(словно кто – то плакал у ручья)
Отражались солнечные блики...
Жизнь и смерть, победа будет чья?

Разбирались, видно, не напрасно,
и недели где-то через две,
в небе пара белых и прекрасных.
И роса как слёзы на траве.

А, сколько их, таких, по белу свету
раненных душой, или крылом,
по чьему-то чёрному навету
не вернулось в свой родимый дом.

И ловлю на мысли: «Спозаранку
часто вижу белое крыло!
Может, я из этих, из подранков?
Просто мне случайно повезло"...

ОХОТА НА ПОМОЙНОГО КОТА

Охота на помойного кота
воронами ведётся по науке –
обход, охват, атаки суета.
А он – «котяра» не даётся в руки.

Мороз стоит. Всё снегом занесло –
неделю голодает птичья стая.
А этот всё живёт смертям назло.
Отпор даёт, что перья отлетают.

Клочками шерсть – в "боях" изломан хвост
и вид его довольно несуразный.
А вот в душе он, видимо, непрост
(ведь жизнь котов такой бывает разной).

Лишь старый ворон в смерти знает толк –
он с детства с ней знаком не понаслышке.
Пусть этот серый даже и не волк,
но наглости и силы много слишком.

Расселась стая в чёрный, страшный круг,
а снег искрится серебром сверкая.
И кот затих, не сразу, и не вдруг,
глаза закрыв и ласку вспоминая.

Когда-то нежно гладила рука
и запах от духов приятно-стойкий.
Хозяйки нет, давно на облаках,
а он вот-вот издохнет на помойке.

А за окошком грустные глаза,
и "тыща" – «за», но ещё больше – «против»...

Мурлыча, кот – все руки облизал...
Спасибо Вам, что рядышком живёте!

ПОВОДЫРЬ

Он за окном как пёс цепной
всё выл и выл, смотрел украдкой.
Хоть жизнь его была не сладкой,
но он доволен был судьбой.

И выл на жёлтую луну
не от тоски своей собачьей.
Из них двоих он только зрячий,
Боюсь, что не понять ему,
как, почему в последний путь
друг уходить один собрался,
обнял, погладил, попрощался.
Сказал: «Живи брат, как-нибудь!»

Хозяин добрая душа,
но о здоровье нет и речи,
как восковыё тают свечи,
жизнь догорает не спеша.

Последний выдох оборвался
И устремилась вверх душа.
Жизнь на земле так хороша,
но за хозяином он рвался.

Просил до боли стылой ночью
От воя замирала кровь,
Такая сильная любовь
Как тут откажешь, – нужно! Очень!

А небо звёздами из дыр
Сияет нам холодным светом
На нём шагают рядом где-то
Слепой, собака – поводырь...

АИСТ

На крыше аист танцевал
Расправив крылья, выгнув ногу.
Как будто счастье зазывал,
детей вымаливал у бога.

Ютилось нежное тепло
на старой обветшалой крыше,
и аист жил ветрам назло
и слова грубого не слышал.

То улетал, то прилетал,
с ним улетали в небо годы.
И вот однажды час настал –
(ничто не вечно у природы).

Весна, а он не прилетел,
заброшен дом, худая крыша.
Всё сразу как-то не у дел,
да и ребячий смех неслышен.

Он словно белый ангел был
родного старенького дома
и всё по-своему любил,
что с детства близко и знакомо.

Мне снится – утренней зарёй
из дома я тихонько вышел,

в гнезде над самой головой
увидел аиста на крыше.

Он так красиво танцевал,
расправив крылья, выгнув ногу,
как будто счастье зазывал,
меня с собою звал в дорогу...

О ТИШИНЕ

Дятел проснулся. Взорвал тишину
эхом сосновым, как дробь барабана.
Ей – тишине не понять, почему?
Тихо ушла, так загадочно, странно.

Этот уход был её не всерьёз.
«Я ненадолго!» – она прошептала.
Только трава от оставленных слёз
вплоть до обеда на солнце сверкала.

Долго брела, добиралась она,
мокрым болотом, заветной тропею,
и затаилась, у самого дна,
в старом колодце вдвоём со звездой.

Дорог тот край, где в ночи тишина
мир укрывает загадочно – тонко.
Молча, звезда мне мигает одна,
как озорная, смешная девчонка.

Запах сосновый пьянит и бодрит,
небо купается в звёздном сиянье.
Господи Боже! Прошу сохрани,
вместе с душой природы слиянье.

НАДПИСЬ

Озорная, смешная девчонка
на скамейке тихонько играла,
горячо обнимала зайчонка,
обнимала его, целовала!

Прижимала лохматые уши,
говорила ему: «Осторожно!
Только маму, пожалуйста, слушай...
Ведь без мамы прожить невозможно...

Ты не бойся – тебя я не брошу!
И нигде я тебя не забуду!
Ты ушастый, мой самый хороший!
Будешь рядом со мною повсюду!

Ветер листья бросал золотые,
Золотые – смешливой девчонке...
Сверху надпись (слова в ней простые)
«Дом ребёнка»... «Дом ребёнка»...

